

**Тезисы к научному круглому столу 20.10.2014
«Органы юридического лица как представители: как понимать нормы ГК РФ?»**

В органе совокупная личность имеет часть самой себя, поэтому размеры, в которых возможно представительство юридического лица, должны совпадать с объемом жизненной деятельности, доступной этому лицу.

Отто фон Гирке

Вопросы 1 и 2. Какие органы юридического лица могут быть признаны представителями? Является ли орган юридического лица представителем по доверенности?

Решение вопроса о том, какие органы можно признать представителями юридического лица зависит от того, как рассматривать представительство (узко или широко).

Если под представительством понимать контрагирование от имени юридического лица во вне, тогда представителем является исполнительный орган (в России – единоличный исполнительный орган). Однако при заключении договора с лицом, обязывающимся осуществлять полномочия единоличного исполнительного органа, общество представляет другой орган.

В германском Акционерном законе прямо указано, что наблюдательный совет представляет общество в отношениях с членами правления в судебных и внесудебных вопросах (§112). Видимо такой подход воспринят в ст. 65.3 ГК РФ, наделяющей членов коллегиального органа управления (наблюдательного совета) правом требовать возмещения причиненных корпорации убытков, оспаривать сделки, совершенные корпорацией, хотя здесь положение члена наблюдательного совета в роли истца дискуссионно (можно ли его считать представителем корпорации?).

Если же термин «представительство» охватывает и такие юридические действия, которые не влекут непосредственного изменения прав и обязанностей юридического лица в отношениях с третьими лицами, а только создают предпосылки или элементы фактического состава, необходимого для изменения прав и обязанностей (одобрение сделки), тогда можно признать представителями юридического лица и другие органы и даже их членов, если последние наделены самостоятельным полномочием действовать от имени юридического лица.

Зачем называть орган представителем? Очевидно, что функции органа, особенно исполнительного органа, не ограничиваются контрагированием и совершением юридических действий с эффектом во вне, но охватывают также чисто фактические действия, а также юридические действия, имеющие эффект во внутренних отношениях

(опосредуемых трудовым правом). Уже эта широта функций органа служила основанием к разграничению органа юридического лица и представителя (В. Рясенцев).

Распространение на органы норм о представительстве имеет прагматическую цель, в том числе – обеспечить защиту юридического лица в случае действия «носителя органа» (термин Г. Еллинека) **в условиях конфликта интересов.** Можно привести в пример сегование Д.И. Дедова, что «исключение органов управления из сферы действия норм о представительстве привело к фактическому отрицанию конфликта интересов со стороны науки гражданского права»¹.

Однако конфликт интересов связан не только с представлением интересов юридического лица при совершении сделок и иных юридических действий. Действовать с предпочтением собственных интересов, а не интересов организации / работодателя можно и вне рамок юридических действий (несанкционированное использование автомобиля организации в собственных целях и т.д.).

Наверное, в нормах о представительстве более-менее разработаны средства защиты от действия с нарушением интересов «принципала» (в широком смысле этого слова), поэтому разумно распространить на отношения «носителя органа» и юридического лица отдельные правила о представительстве. До недавнего времени это решалось двумя способами:

- 1) применение норм о представительстве по аналогии (судебная практика);
- 2) создание аналогичного правила непосредственно для органов юридического лица (пример: новая редакция статьи 174 ГК РФ, пункт 2).

В редакции ст. 53 ГК РФ, вступившей в силу с 01.09.2014, сделана прямая отсылка к статье 182 ГК РФ. Однако такое решение не должно быть расценено юристами как смерть учения об органах юридического лица (в том числе и в контексте идей Отто фон Гирке), иначе вместе с водой можно выплеснуть и ребенка.

Даже в тех правопорядках, где к органам применяются термины «представитель» и «агент», специфика положения органа признается².

Так, немецкий автор Я. Шапп пишет, что представительство юридического лица органом следует отличать от законного представительства, хотя представительство юридического лица органом схоже с законным представительством «и во многом приравнено к последнему»³.

Наименование органа представителем создает вопросы для участников оборота (мы привыкли, что за представителем стоит директор, а за директором никого нет, ибо его действия и есть действия юридического лица). Это будет особенно ощутимо в связи с ломкой уже ставшей традиционной для России монистической модели волеизъявляющих органов и допущения плюрализма волеизъявляющих органов. Из органической теории О. фон Гирке вытекает презумпция неограниченных полномочий директора (что исследовано Е. Дубовицкой). Иными словами, когда добросовестный участник оборота покупает, к примеру, в офисе турфирмы тур в Хорватию, его не должно беспокоить, охватывают ли полномочия директора по уставу турфирмы продажу туров в Хорватию или же только в Египет и Турцию.

¹ Дедов Д.И. Конфликт интересов. М., 2004. С. 40.

² Подробнее см.: Горбунов Е.Ю. О природе исполнительного органа в контексте теорий юридического лица // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 5 - 19.

³ Шапп Я. Система германского гражданского права. М., 2006. С. 312.

В ГК РФ нечто похожее на презумпцию неограниченных полномочий есть в ст. 174.

Презумпция неограниченных полномочий директора (ЕИО) особенно важна в условиях отказа от монистической модели волеизъявляющих органов (т.е. модели, когда был только один «носитель функции ЕИО»).

Новелла абз. 3 п. 1 ст. 53 ГК РФ, предусматривающая, что учредительный документ юридического лица может содержать положения о том, что полномочия выступать от имени юридического лица могут быть предоставлены нескольким лицам, действующим совместно **или** независимо друг от друга (аналогично и ст. 65.3 ГК РФ) де-факто разрушает какую-либо презумпцию в вопросе о том, кто и как контрагирует от имени компании. Теперь, когда некто представляется как ЕИО компании, нужно проверить, а нет ли в уставе положения, что этот ЕИО действует только совместно с ЕИО 2, а если они действуют независимо друг от друга, то есть ли разграничение полномочий между ними, или же они оба воплощают сделкоспособность компании в целом.

Устранить подобную проблему можно введя презумпцию того, что полномочия любого лица, являющегося «лицом, действующим без доверенности от имени юридического лица» являются неограниченными (разумеется, ограничения, предусмотренные законом сохраняют свое действие). И тогда не нужно будет раздувать ЕГРЮЛ сведениями о том, что директор А может продавать канцелярские товары, а автомобили не может, а директор Б может покупать керосин / уголь, но не может канцелярские товары.

Описанное решение было предложено еще в советской литературе. В частности, в работе В.С. Якушева (УрГЮА) «Юридическая личность государственного производственного предприятия» отмечается, что заместители директора наряду с директором наделяются правами по распоряжению имуществом предприятия. И с этих позиций В.С. Якушевым дана положительная оценка мнению В.В. Лаптева о том, что если заместитель директора по труду и кадрам подпишет договор поставки той или иной продукции, то такой договор будет для предприятия обязательным⁴.

Альтернативное решение – применение п. 5 ст. 185 ГК РФ – не снимает проблему разрушения презумпции «директор – носитель сделкоспособности», поскольку доверенность в смысле письменного документа предполагает изучение ее содержания, а значит, придется изучать содержание устава.

Презумпция неограниченных полномочий в очень многих случаях будет работать на избежание излишних транзакционных издержек. Неслучайно, что в английском Законе о компаниях 2006 года есть положение о том, что во взаимоотношениях с лицом, действующим добросовестно, полномочие директоров компании обязывать компанию и право передать это полномочие другим рассматривается как свободное от ограничений, предусмотренных в уставе компании (с. 40 Закона). Аналогичную норму следует ввести в российский Гражданский кодекс и / или в Закон(ы) о хозяйственных обществах.

Таким образом, орган не сводим к представителю, хотя отдельные правила о представительстве могут применяться (когда это не противоречит существу отношений) в силу отсылки ст. 53 ГК РФ к положениям о представительстве.

⁴ См.: Якушев В.С. Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву. Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2012. С. 238.

В этом смысле орган не является представителем по доверенности. В контексте признания презумпции неограниченных полномочий не следовало бы именовать его и уставным представителем (как это иногда делается в литературе).

Что касается проблемы т.н. фидуциарных обязанностей, то контекст, в котором возникает вопрос об их вменении, шире, чем вопросы представления одного лица другим в гражданском обороте, в судах и т.д. И для вменения этих обязанностей вовсе необязательно приклеивать ярлык «представителя».

Вопрос 6. Могут ли по уставу быть предусмотрены безотзывные директора?

Конструкция безотзывной доверенности в ст. 188.1 ГК РФ вряд ли рассчитана на директора (потенциально носителя неограниченных полномочий), она рассчитана на отношения, где подобное представительство ограничено одним или несколькими обязательствами: *«доверенность в любом случае может быть отменена после прекращения того обязательства, для исполнения или обеспечения исполнения которого она выдана»* (абз. 2 п. 1 ст. 188.1 ГК РФ).

Можно предположить, что попытки внедрения безотзывных директоров в уставы будут предприниматься в ходе сделок M&A.

Вопрос 10. В чем смысл применения к ситуации превышения уставных полномочий директора п. 1 ст. 174 ГК РФ, а к ситуации превышения полномочий представителя ст. 183 ГК РФ в условиях признания директора представителем?

Статья 174 ГК РФ – это аналог отказа от доктрины “constructive notice” в английском праве (Закон о компаниях 1989 года). Отказ от доктрины “constructive notice” связан с внедрением презумпции неограниченных полномочий и рассматривается как движение в сторону органической теории, как отход от представительской теории.

Сделка, совершенная органом с нарушением уставных ограничений действительна и связывает именно компанию, а не «носителя органа». В отличие от этого последствия ст. 183 ГК РФ предполагают связывание самого представителя при отсутствии ратификации со стороны компании. Предпочтительность правила ст. 174 ГК РФ для контрагентов компании особенно видна в условиях наличия конфликтующих директоров, полномочия которых разграничены, но плохо (с юридико-технической точки зрения). Перспектива иметь по ст. 183 ГК РФ в качестве обязанной стороны (даже в примере с туристическим продуктом) физическое лицо – директора вместо юридического лица – довольно неприятная перспектива с учетом сложностей взыскания убытков с физических лиц.

Как уже было сказано, презумпция неограниченных полномочий снижает транзакционные издержки и, кроме того, стимулирует компании тщательнее выбирать директоров.